

Мария Дудченко

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Мария Олеговна Дудченко

Ночной гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27620065

SelfPub; 2017

Аннотация

Ранняя осень. Ночь. Деревенское кладбище. Антон, бывший студент художественного училища, и его сменщик Сергеич по обыкновению приглашают давних приятелей санитара Пилюлю и хирурга Лозицкого скоротать время у себя в сторожке. Задушевные разговоры, привычные шутки, игры в карты отнюдь не на интерес – им казалось, так будет всегда. Этакая тихая гавань посреди забот и неурядиц повседневной жизни. Однако идиллию нарушает задержавшийся допоздна посетитель, который преподносит товарищам самый ценный в их жизни урок.

– Ну что, еще сыграем? В переводного – я искося посмотрел на Сергеича, надеясь утроить свой выигрыш.

– О чем речь, раздавай. Я пока кошелек раскрою пошире. Переводной – это же мой конек.

Я с довольным видом стал тасовать карты. Как бы не так. Сегодня удача явно повернулась ко мне лицом, а не тем местом, каким любила обычно поворачиваться. Существует выражение «не повезет в картах, повезет в любви». Моя жизнь может подтвердить это с точностью до наоборот. Хоть в картах мне изредка все же везло, но вот в остальной ситуация была весьма и весьма плачевна. Я пытался отбиться от проблем с тем же успехом, с которым можно пытаться покрыть некозырной семеркой козырного короля.

– Готово – я посмотрел на свои карты и присвистнул. Удача все-таки устала вертеться туда-сюда и заняла исходную позицию. Сергеич, наоборот, обрадовался и уже собирался объявить, за кем ход. Теперь меня могло спасти только чудо.

«Чудо» ввалилось к нам в кабинет в виде наших товарищей: Семен Семеныча и Пилюли. Последний широко улыбнулся, завидев меня, и многозначительно потряс пакетом, в котором звонко звякнули бутылки. В такие чудеса я верил всеми фибрами души.

– Антоха, ты что ли и в ночную остаешься? Ай да молодец! – в качестве приветствия Пилюля хлопнул меня по плечу с такой силой, что я чуть было не впечатался в стену. – Скажу Анатолю Борисычу, чтобы выписал тебе преми-

альные. За креатив и рвение в труде. Это ты вчера пририсовал пугалу усики как у Гитлера и брови как у Брежнева?

– Было дело. Эти вредители всю яблоню скоро склюют. У пугала лицо, как у куклы. Немудрено, что они не боялись.

– В художники все-таки надо вам подаваться, Антон Владиславович, в художники. С вашим-то именем и талантом не годится прозябать в кладбищенской сторожке со всякими алкашами. Верно я говорю, Алексей Сергеевич?

– Да отвянь ты, мудрец. Дай сосредоточиться.

– Бойся, Антоха, сейчас тебя Сергеич побеждать будет. Ну а мы пока с Семен Семенычем постоим на крылечке и поглядим на звезды. Заодно и покурим. Семеееныч! Ты куда там запропастился?

– За креатив и рвение, говоришь? – в дверях появился Семен Семенович Лозицкий, хирург высшей категории, с двумя пачками сигарет в руках. – Там у вас по кладбищу кто-то шастает. Ворота нараспашку. Время посещения давно уже истекло. За такие заслуги нужно подзатыльник дать Антохе, а не премию. Иди, Ван Гог, проверяй, как бы чего не стащили.

– А с чего это я? С двадцати двух ноль – ноль началась смена Сергеича. Вот он пусть и идет проверять.

По лицу Сергеича отчетливо просматривалось нежелание покидать уютное насиженное место. Он умоляюще посмотрел на меня и положил карты на стол.

– Антох...

–Ничего не знаю.

–Ну Антох...Антон...Антон Владиславович, твою ж дивизию.

– Антон Владиславович слушает.

– Ты мне друг?

–Смотря что тебе надо. Если сходить и закрыть ворота, то я вижу вас, уважаемый, впервые в жизни.

– А если я скажу, что этот кон не в счет?

–Совсем другой разговор, мой дорогой товарищ! Я уже мчусь к воротам, дайте только ключи.

–Лови, комедиант. И скажи тому любителю ночных посещений, чтобы заканчивал воровать яблоки и шел домой к мамане. Я догадываюсь, кто это может быть. Петька из тридцать шестого дома.

–Петька же в тридцать втором живет – зевнул Пилюля, удобно растянувшийся на двух стульях.

–Да хоть в сто пятьдесят первом. Иди, Антоха, а то передумаю.

– Бегу, лечу, телепортирую! – я выскочил, не закрыв за собой дверь.

– Он опять домой не идет? – обеспокоенно спросил Пилюля.

– Он уже неделю там не появлялся. Говорит, с невестой разругался окончательно. Свадьба под угрозой срыва. Я поэтому весь вечер ему поддавался. Должно же у парнишки хоть что-то получиться. Жалко его. Институт закрыли, с ра-

боты со второй поперли... А все потому, что за десятью зайцами угнаться хотел. Да и Катька эта еще подвернулась... Правильно говорят люди: хорошее дело браком не назовут!

– Сколько они вместе были? – поинтересовался Семен Семеныч.

– И пяти лет не прошло.

– Тьфу ты. Молодежь. Сегодня сходятся, завтра уже расходятся. Мы вон с моей двадцать лет уже оттрубили.

– И?

– И ничего.

– Вот именно, что ничего. Ничего хорошего – снова зевнул Пилюля. – Ты приходишь домой поздно, когда жена уже спит, уходишь рано, пока жена еще спит. Лица детей без фотографии небось и не вспомнишь. Работа – вот твой дом, твоя семья и твоя любовь. Смотрю на тебя и думаю, зачем ты вообще женился?

Семен Семенович Лозицкий, хирург высшей категории, почетный гражданин села, выступающий на праздниках, собраниях и на заседаниях в больнице с длинными речами, не нашел, что ответить на этот простой вопрос.

Пока мои друзья делились треволнениями по поводу моей неудавшейся жизни, я вразвалку брел по вверенной нам с Сергеичем территории. Я был дневным сторожем кладбища, Сергеич – ночным. Работа легкая, разве что иногда слишком скучная. Сами понимаете, кладбище не то место, где звучит смех. Глухой стук лопаты, карканье ворон и конечно

слезы, бесконечные слезы страждущих по усопшим. Основными обязанностями являлись обходы каждые три-четыре часа да слежка за яблоней Анатолия Борисовича, директора кладбища. В общем, ничего интересного. Если бы не Сергеевич и наши товарищи из больницы, на моем надгробии указали бы «помер со скуки». Я шел медленно, освещая фонариком путь. В самом деле, неподалеку от яблони виднелись две человеческие фигуры. Одна из них пугало, это ежу понятно. А вторая, видимо, Петька, неугомонный кладбищенский вор и ученик восьмого класса по совместительству. Я уже начал придумывать план, в котором я обязательно притворюсь мертвецом, восставшим из могилы. Или привидением. Или ожившим пугалом. Я усмехнулся своей находчивости. Держись, Петька из тридцать второго дома. Сейчас ты у меня покушаешь яблок так, что тошно будет даже смотреть на них.

Я пытался подкрасться незаметно, но у меня ничего не вышло. Сухая ветка хрустнула под ногой, и человек, стоящий напротив могилы, обернулся. Я посветил фонариком на него. То был далеко не Петька. Это уже лет шестьдесят как не Петька. Старик удивленно посмотрел на меня. Я замешкался, и на долю секунды мне показалось, что это он – сторож кладбища, а я и есть тот самый яблочный воришка, вторгшийся в чужие владения и пойманный с поличным.

– Эээ... добрый вечер – выдал я.

–Здравствуйте. Вы, наверное, пришли поругать меня.

Что-то я задержался сегодня...

– Да нет, что вы. Просто проверяю, все ли в порядке. Вы еще долго... надолго задержитесь?

– Нет, еще немного посижу и домой.

Я осветил могилу и присмотрелся. Она была идеально ухожена, в то время как соседние с ней заросли так, что даже табличку на кресте не рассмотреть. Зато табличку на этой могиле я прочитал за пару секунд. Зимина Марина Игоревна. Родилась двадцатого августа восемьдесят лет назад, умерла семнадцатого сентября пять лет назад. Я снова осветил на старика.

– Скоро наступит ночь. Может быть, вы завтра с утра придете?

– Боюсь, завтра уже будет слишком поздно – грустно улыбнулся старик.

– Ээ..ну..хорошо – проямлил я. – Давайте тогда вот, как поступим... Сейчас я закрою ворота, а вы, когда закончите все свои дела, зайдете в сторожку, и я вас выпущу через другой ход. Идет?

– Идет – снова улыбнулся старик.

Я стремительно развернулся, запер ворота и пошел к себе. Мда, вот тебе и Петька. Сумасшедший старик. Видимо, совсем дома делать нечего. Наскучили пасьянсы и новости по телевизору. Я не мог нагубить или выгнать его. Да даже просто попросить уйти, не так я был воспитан. Я шел к товарищам, потерпевший полное фиаско.

– Ну и как? На каком километре трассы сейчас Петька? Надеюсь, ты хорошенько его припугнул. Анатолий Борисыч на будущий год планирует огурцы с помидорами посадить. Надо отвадить всех воришек отсюда – заявил Сергеич.

– Я все-таки не понимаю, как он может сажать здесь овощи и еще потом их есть. Гадость какая. У него же хороший дом, много земли... Почему не посадить там?

– Вот ты у нас, Семен Семеныч, светлая голова, а ума в ней все равно не достает. За огородом ухаживать надо. А тут бесплатной рабочей силы пруд пруди. Соображаешь? – осадил товарища Пилюля.

– Мда уж... Так на каком километре трассы у нас Петька? – улыбнулся врач высшей категории.

– Спит дома Петька ваш и видит десятый сон. Не было там никакого Петьки.

– Как не было? А кого же еще могли черти на ночь принести? – всполошился Сергеич.

– Не бойся. Это всего-навсего полоумный дед.

– Господи помилуй. Что ж его на кладбище-то ночью потянуло? Место ищет?

– Понятия не имею. Когда я подошел, он просто стоял лицом к могиле. Зимина Марина Игоревна, умерла пять лет назад. Жена, скорее всего.

– Зимина... Зимина... знакомая фамилия. О, вспомнил! – радостно воскликнул Пилюля. – Вспомнил. Кирилл Игнатьевич Зимин, тот дедок, что к нам в больницу заходил и

угощал пирожками весь персонал. Говорил, доброе дело делали, когда лечили его женушку. Слабое здоровье очень было у нее. К шестидесяти годам почти каждый месяц в больнице лежала. И дед вместе с ней. Вернее, он к ней приходил каждый день. Мы еще удивлялись, что так часто. Старость не радость. Видать, совсем печально остаться одному в таком возрасте.

– У тебя поразительная память. Я каждый раз удивляюсь, почему ты не закончил мединститут. Был бы сейчас, как Семен Семеныч, а не санитаром и носильщиком гробов. Самому не обидно?

– Обидно, Сергеич. А что делать? Работать много пришлось, время тяжелое у меня было. Всю семью за копейки с колен поднимать. Батя по уши влез в долги. Проклятое казино. Моя воля – и я бы все эти игровые автоматы поломал так, как отец поломал нашу жизнь. Когда мне было учиться? Не мог я, понимаешь, не мог корпеть над учебниками, в то время как мать одна пытается прокормить троих детей, муженька непутевого да меня, здоровенного лба. Я ведь в то время не только в больнице работал. То там, то сям крутился. Даже в прачечной белье стирал. Хочешь жить – умей вертеться. Как белье в машинке. Счастье, что все позади.

– Кстати, пока ты тут в воспоминания ударялся, я тоже кое-что припомнил. Знаю я этого старика. Одно время он сюда приходил каждый день. Я тогда один работал сутками напролет. Редко случалось, что Анатолий Борисыч сам сторо-

жил. Надо же было дать и мне выходной... Так вот. Приходил, значит, каждый день, и сидел на скамейке. Иногда даже работал. Бывает, пройду мимо – он оградку красит. Или траву вырывает. Или памятник протирает от пыли. А иногда сидит и не двигается. Я как-то спросил у него, не нужно ли помочь с чем, и вообще, может, мучится от одиночества человек, не с кем поговорить, раз каждый божий день тащится сюда. Говорю, заходите, если что. Посидим, поговорим. А он ничего не ответил, кроме «спасибо вам». Ну, я и не стал приставать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.